

А. С. Ряжев

АРМЯНСКИЕ ОБЩИНЫ АСТРАХАНИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.:
АНАТОМИЯ ГОРОДСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО КОНФЛИКТА

doi: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-151-158

УДК 94(470.46)“17”:39=919.81 ББК 63.3(235.54)51

Статья посвящена изучению вероисповедной политики Российской империи на примере конфликта 1755–1760 гг. между астраханскими армяно-григорианской и католической общинами и поведению властей в этом конфликте. Прежде всего прослежены предпосылки обострения конфликта (конфессиональная вражда, экономические противоречия, стремление лидеров общин занять место ближе к властям в столице и регионе). Далее обозначены сферы, где активно давал о себе знать межобщинный разлад: семья, выбор исповедания детей в смешанных браках, пользование имуществом. Наконец, выявлена типологическая природа подобных споров, а именно их обусловленность запутанными конфессиональными отношениями в городской среде. Согласно выводу автора, анализируемый конфликт в свете усложнения религиозной жизни, отмеченного в Астрахани, явился частным случаем городской социальной конкуренции.

Ключевые слова: *Российская империя, раннее Новое время, Коллегия иностранных дел, вероисповедная политика, межконфессиональные отношения, религиозный конфликт, социальная конкуренция, католические миссионеры, капуцины, армяно-григориане, Астрахань*

Вероисповедная политика Российской монархии в XVIII в. — важный вопрос современной историографии.¹ Модернизационный рывок, ускоренный реформами Петра I, усложнил жизнь российских городов — центров внешней торговли: они превращались в очаги модернизации и европеизации, росло их население, этнически, конфессионально, социально разнообразное. Росли и конфликтогенные процессы, влиявшие на городскую повседневность, в том числе в религиозной сфере, и популяризовавшие власти к вмешательству.

В отечественной городской истории раннего Нового времени астраханское противостояние второй половины 1750-х гг. между армяно-григорианцами и армянами-католиками не имеет себе равных по длительности и ожесточенности.² Статья посвящена изучению этого конфликта.

Источниками исследования служат документы Астраханской губернской канцелярии и Коллегии иностранных дел, собранные в коллежской переписке. Бумаги датированы 1755–

1760 гг., хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ).³ Они характеризуют причины и развитие столкновения, его сугубо городскую специфику, логику поведения сторон и властей, за ними встают индивидуальные судьбы верующих.

Историография астраханских армян относительно невелика и в целом изучена.⁴ В светской отечественной литературе армянская община Астрахани стала предметом истории церковного права.⁵ Позже в рамках историографии советского периода изучались формирование, структура, экономическая активность указанной общины.⁶ В наши дни сюжет введен и в контекст европеизации и развития в России европейского христианства.⁷ Прогресс соответствующих исследований ожидается в связи с изучением этнических и религиозных факторов становления окраинных социальных

¹ См.: Ряжев А. С. Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // История и историки. Историографический вестник. 2005. М., 2006. С. 82–84.

² См.: Кузнецов Н. Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея. 1898. Кн. 75. С. 65–104.

³ См.: АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758); Д. 1 (1759–1761).

⁴ См.: Мхитарян Г. Ж. Этноконфессиональная картина Астрахани по материалам «физической» экспедиции Академии Наук 1768–1774 годов // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18, № 3. С. 590–592.

⁵ См.: Кузнецов Н. Д. Указ. соч.

⁶ См.: Куканова Н. Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII — начале XVIII века // Исторические записки. 1956. № 57. С. 232–254; Юхт А. И. Социальный состав населения астраханской армянской колонии в первой половине XVIII в. // Известия Академии Наук Армянской ССР. Общественные науки. 1957. № 7. С. 47–60; Хачатурян В. А. Астраханская армянская колония и русско-армянские отношения // Вестник общественных наук. 1978. № 10. С. 77–85.

⁷ См.: Андреев А. Н. Российские «иногородцы» в XVIII веке и западно-христианское влияние // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: «Социально-гуманитарные науки». 2010. № 28 (204). Вып. 15. С. 8, 9.

общностей страны.⁸ Что касается клерикальной историографии, российской и зарубежной, то ее занимали и занимают статус армян Астрахани относительно господствовавшей Церкви и их международные связи.⁹

Из источников и литературы следует, что в теме астраханского межармянского противостояния выделяется три важных вопроса: прежде всего, предпосылки конфликта, затем, развитие противоречий между разноверными приходами и, наконец, типологическая природа возникшего антагонизма.

Что касается предпосылок конфликта, то нужно сказать: армяне оседали в городе издавна,¹⁰ и их сообщество сформировалось к середине XVII в. Притоку армянского населения способствовало географическое положение Астрахани — близость к Кавказу и Каспию. Сказывалась и экономическая роль города — сердца отечественной торговли с Востоком. Со временем структура общины усложнялась, давала о себе знать социальная дифференциация, росли ее роль в восточной торговле России, включая транзитную,¹¹ и взаимодействие с другими этнокофессиональными группами Астрахани.¹² Правовые привилегии петровских времен сделали армян монополистами восточной торговли в городе и главными поставщиками товаров Востока на российский внутренний рынок.¹³

⁸ См.: Paert I., Gibson C., Berezhnaya L. Confession, Loyalty, and National Indifference: Perspectives from Imperial and Postimperial Borderlands // *Ab Imperio*. 2022. № 2. P. 91–116.

⁹ См.: Саввинский И., священник. Армяне в Астраханской епархии и отношение к ним местных архиепископов в XVIII в. Астрахань, 1900. С. 30–38; A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal mission of the 17th and the 18th Centuries. London, 1939. Vol. 1. P. 562; Мацкевич В., о. (OFM Conv). История католической церкви на Астраханской земле. Астрахань, 2012.

¹⁰ См.: Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2006. С. 224.

¹¹ См.: Юхт А. И. Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII в. // *История СССР*. 1961. № 1. С. 131–146; Он же. Социальная борьба в Астраханской армянской колонии (середина XVIII в.) // *Вестник общественных наук*. 1979. № 6. С. 69–80; Хачатурян В. А. Указ. соч.

¹² См.: Юхт А. И. Социальный состав населения...; Он же. Русско-восточная торговля и участие в ней индийского купечества // *История СССР*. 1978. № 6. С. 42–59; Алиев Ф. М. Миссия посланника Российского государства А. П. Волынского в Азербайджан. Баку, 1979. С. 35; Пирова Р. Н. Торгово-экономические взаимоотношения персидского и армянского купечества в Астрахани в первой трети XIX века // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 1 (214). С. 59–65.

¹³ См.: Юхт А. И. Восточная торговля России 30–40-х гг. XVIII в. и роль в ней армянских купцов (по материалам астраханской таможни) // *Известия Академии Наук Армянской ССР. Общественные науки*. 1956. № 8. С. 47, 48, 52, 57, 60, 61; Он же. Участие армянского купечества во внутренней торговле России (20–40-е гг. XVIII в.) // *Историко-филологический журнал АН Армянской ССР*. 1979. № 3. С. 119; История пред-

Наряду с ростом влияния армян в Астрахани шло закрепление католических миссионеров на юге России. Здесь действовали представители ордена капуцинов из земель Австрийской монархии, пользовавшиеся покровительством Габсбургов и близких к ним торговых кругов (хотя след оставили и францисканцы — французские, немецкие). Базой для доступа в страну, подпитки астраханских католиков служила Персия, где миссионеры обосновались с давней поры.¹⁴ Наиболее прочно они осели в таких городах, как Исфахан, Хамадан, Тебриз, Нахичевань.¹⁵ Благодаря долгому господству Персии в Закавказье посланцы орденов заняли сильные позиции в регионе, тяготая к городам — резиденциям правителей, экономическим центрам, невольничьим рынкам. В конце 1740-х гг. Персия пережила внутренний кризис,¹⁶ в результате чего Восточная Грузия и ряд других прикаспийских государств Кавказа получили большую свободу, нежели раньше, оставаясь, впрочем, объектами притязаний Персии или ее соперничества с Турцией. Но на пришельцах в регионе это не сказалось — они чувствовали себя легко и в Османской империи, заранее закрепившись в ее владениях близ Кавказа.

Персидский и закавказский транзит католиков в Астрахань отражен в материалах, которые скопились в местных и столичных инстанциях во время расследования указанного конфликта. Так, астраханский армяно-григорианский епископ Стефан в доношении на имя астраханского греко-российского епископа Иллариона, датированном 21 сентября 1755 г., сообщал о прихожанах-армянах, которых, как он полагал, переманили конкуренты-миссионеры. Стефан привел реестр имен и показания новоявленных католиков. В допросах фигурируют города, где «сворачиваемые» люди оставили армянский «закон» ради католичества: Гори, Шемаха,

принимательства в России. Книга первая. От средневековья до середины XIX века. М., 2000. С. 251; Рябцев А. Л. География экспорта российских товаров через Астраханский порт и его особенности в XVIII веке // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 7 (21), ч. 1. С. 167, 168; Магомедов Н. А. Региональная и международная транзитная торговля в Западном Прикаспии в XVII–XVIII вв. Махачкала, 2015. С. 153–158, 160; Мхитарян Г. Ж. Указ. соч. С. 591.

¹⁴ См.: Windler C. Missionare in Persien. Kulturelle Diversität und Normenkonkurrenz im globalen Katholizismus (17.–18. Jahrhundert). Köln; Weimar; Wien, 2018. S. 283–387.

¹⁵ См.: A Chronicle of the Carmelites... P. 530.

¹⁶ См.: Agreeable News from Persia: Iran in the Colonial and Early Republican American Press, 1712–1848. Wiesbaden, 2022. P. 393–612.

Тифлис.¹⁷ Данные расследования обобщены в указе Святейшего Синода в Коллегию иностранных дел от 30 марта 1756 г. — первом документе центральных ведомств о конфликте. Указ дополнил географию городов, поскольку среди признаний армян, внесенных сюда, значится: «...а превращены они разными римскими католиками в персидских городах в Тифлизе..., в Испагани...»¹⁸

Среди названных городов персидским был лишь Исфахан. Прочие — центры Дербентского, Шемахинского (Ширванского) ханств, Восточно-Грузинского царства — были расположены на Кавказе. Люди, о совести которых беспокоился Стефан, так или иначе претерпели кавказское влияние, даже если не было сведений об их крещении. В частности, один из прихожан оказался невольником и «в римской закон крещен не был», но хранил обряды «по завещанию» умершего хозяина: «содержит папешской закон по приказу католика Асатура (кoему он в Дербенте продан был лезгинами)...», — говорилось о нем в синодском указе.¹⁹

Грузинские города, в первую очередь Тифлис, стали для миссионеров опорой близ российского юга столетием раньше, когда в них возникли первые католические храмы. Во время изучаемых событий значение подобной опоры для миссионеров не снизилось. Так, миссионер Ф. Сотер, один из инициаторов астраханского разбирательства, был выслан из страны в 1756 г. Патер стремился проехать через Кизляр и затем попасть непременно «в Тефлис», чтобы оказаться в Турции. На деле монах — один из главных деятелей кавказской миссии — хотел избежать в ее трудах длительной паузы, которой грозила его высылка через европейскую границу России, и скорее оказаться там, где считал себя полезным.²⁰ Тифлис давал пополнение и в Астрахань: персоны, вокруг которых возникли крупные разногласия, — католики Кайхосров Бабежанов (Бабаджанов) и Мелкум Назаров Читанянц (о них ниже) — числились в русских документах «тифлисскими жителями».²¹

Межармянское соседство имело негативный потенциал. Армяне-традиционалисты и их духовенство категорически не принимали

соплеменников-католиков — иноверцев и ренегатов. Армяне-католики платили тем же, повседневные контакты между конфессиями практически отсутствовали. В списке астраханских обитателей-армян, поступившем в свое время из ратхауса — городского суда армян — в Коллегию иностранных дел, зафиксирован единственный факт такого рода: «в римском законе» числили мать одного из домовладельцев, хотя в бумаге было отмечено 412 дворохозяев с домочадцами.²² Отсюда посредничать между общинами могли только люди на службе или капуцины, априори принятые властями в качестве посредников.

Антагонизм усугублялся тем, что объединения армян занимали общую хозяйственную нишу — восточную торговлю. Но Астрахань с торговыми оборотами середины XVIII в. — отнюдь не Багдад или Басра из «Тысячи и одной ночи» (поэтому, в частности, столь влиятельная торговая корпорация, как джувльфинские армяне, некогда не сочла город экономически перспективным, оставив его прочим соплеменникам),²³ относительно же малый объем торговой прибыли усиливал взаимную недоброжелательность общин. В итоге религиозные и торговые противоречия подогрели конфликт.

Что касается роста межобщинных противоречий, то наиболее конфликтогенная область здесь — семейные отношения и выбор религии детей в смешанных браках. Колебания столь чувствительных струн и послужили в 1750-х гг. причиной перехода от неприятия едва ли не к войне.

Сведения об этом быстро дошли до центральных властей. В указе Святейшего Синода от 30 марта 1756 г. упоминаются случаи, открывшие потоки жалоб с обеих сторон.²⁴

Первый эпизод затронул детей «тифлисского жителя» К. Бабежанова. Некогда тот пожелал крестить сына по католическому обряду, против чего выступал епископ Стефан. Купец при содействии капуцинов нашел третейского судью в астраханском православном Спасском монастыре. Местный архимандрит (позже епископ) Мефодий, уважая обычную тогда близость капуцинов к властям губернии, подтвердил право выбора. Но иерарх-армянин, как отметили миссионеры, не успокоился и после

¹⁷ См.: АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 34–390б.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Рязев А. С. Великая княгиня Екатерина Алексеевна и католики-миссионеры на юге России: будущая императрица в поисках путей к власти (вторая половина 1750-х годов) // Новый исторический вестник. 2020. № 2 (64). С. 11.

²¹ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 7; Д. 1 (1759–1761). Л. 2.

²² См.: Там же. Д. 1 (1759–1761). Л. 145–176.

²³ См.: Анисимов Е. В. Движение империи Петра Великого на Восток // Вестник Российского университета Дружбы Народов. Сер.: История России. 2022. Т. 21, № 3. С. 319.

²⁴ См.: АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 7, 11.

смерти купца в феврале 1757 г. крестил другого его сына принудительно.²⁵

Второй сюжет касался судьбы прихожанки Елизаветы Айвазовой. Записка по поводу конфликта, которую капуцины Ф. Сотер и Ф.-М. Агроно подали в Коллегию иностранных дел, составив и заверив рукоприкладствами на русском языке, представляла участь женщины незавидной. «1755 году марта 29 числа, — передавал документ, — ходили мы, католицие патыри, с архиереом Стефаном к Его Превосходительству господину губернатору для разобрания с армянином Мкртчичем, а называют его Поповски, и з женою ево католичкою Елизаветою Айвазовой; которой поп [Елизавету] против вули [воли. — А. Р.] патырской в жену себе взял...», принуждая затем посещать армянскую церковь. В ответ Е. Айвазова обратилась к губернатору. Рассмотрев жалобу, тот после аудиенции, данной клирикам, разрешил католичке ходить «в свою церковь», но «онаго армянский архиерей чинить не хотел», презрев и приказ астраханского греко-российского преосвященного. В итоге, сообщали жалобщики, дошло до того, что Елизавету, а если у нее родятся дочери, то и их тоже необходимо физически защищать во избежание насилия над ними, дабы их «армянский архиерей в свою веру кстить не дерзал».²⁶

Иноземцы не могли не счесть подобные казусы вызывающими и требовали спросить с «притеснителей». К тому же, нужно повторить, за время жизни в Астрахани они привыкли к расположению свыше, да и подключение к делу губернатора А. С. Жилина их ободрило.

Но пришельцев ждал неприятный сюрприз. Чиновники губернской канцелярии стали действовать, как заявили капуцины позже, «в угодность армянского архиерея». Соответственно, начались обвинения миссионеров в «сворачивании» армян, выдвинутые епископом Стефаном, из-за чего разбирательство затронуло даже «давних» (потомственных, заведомых) католиков и стало в отношении общины повальным. Но, подчеркивали патеры, войти в него на равных паства не могла: допросы шли с армяно-григорианским переводчиком, предвзятым к католикам, чиновники закрывали глаза на ложные показания армян, а католики из-за таких ухищрений лишались возможности свидетельствовать.

Миссионеры сочли случаи К. Бабежанова и Е. Айвазовой ярчайшими примерами сгово-

ра властей Астрахани с армяно-григорианами. Среди бумаг расследования находятся списки «обид», принятых капуцинами на свой счет и тщательно зафиксированных: первый список учитывал «поползновения» армянской стороны, второй — случаи ее поддержки на месте. Отнюдь не случайно, что оба открывались сюжетами о сыновьях покойного «тифлисского жителя» и поступках переводчика и должностных лиц из-за жалоб Е. Айвазовой.²⁷

Новые события принесли капуцинам сомнения и в губернаторе, особенно после участия того в попытке сорвать венчание католички Екатерины Васильевой.²⁸ Дело о ее браке оказалось чувствительным и для армянской общины. Из экстракта из материалов следствия, присовокупленного к доношению губернской канцелярии в Коллегию Иностранных дел от 29 февраля 1760 г., вытекает, что в тяжелой истории межармянских отношений епископ Стефан придал эпизоду особое значение. Е. Васильева, дочь мусульманки, затем принявшей католичество, и армяно-григорианина, рано осиротев, была крещена по православному обряду, но осталась у католиков, в среде которых затем и вышла замуж. Супруг, мещанин Евдоким Богданов, тоже обладал непростой биографией. По рождению «калмыченин», в детстве проданный соплеменниками армянину-католику, он принял «римской закон» и, обосновавшись в городе, «пристал» к «капуцинскому храму», где и венчался с Е. Васильевой. Мальчик, родившийся в браке, получил католическое крещение. Для епископа это явилось вопиющим покушением на его паству. Губернская канцелярия, получив претензии Стефана и доискавшись на допросах, что родители Е. Васильевой крещены «в греко-российский закон», предписала перевести туда ее сына. Решение не устроило Стефана, ибо «его» Е. Васильева осталась у католиков. Недовольство проявили и миссионеры, найдя здесь новый образчик потворства «армянским козням».²⁹

Возникнув в сфере брака, межобщинный конфликт захватил область материальных интересов, что показал случай с завещанием, которое оставил армянин-католик купец Мелкум Назаров Читаянц, прибывший из Тифлиса. В 1754 г. он завещал вклады на помин души: 700 руб. «в астраханскую католическую церковь», 200 руб. — в тифлисскую, 100 руб.

²⁷ См.: Там же. Д. 1 (1759–1761). Л. 7–11, 36–47об.

²⁸ См.: Там же. Л. 100б, 11.

²⁹ Там же. Л. 102, 102об.

²⁵ См.: Там же. Д. 1 (1759–1761). Л. 7.

²⁶ Там же. Д. 1 (1751–1758). Л. 1, 10б.

в «тифлисской Арагвийский монастырь» (вероятно, в монастырь Св. Креста — Джвари / ჯვარის მონასტერი близ Тифлиса, издревле почитаемый в Грузии) и 50 руб. греко-российскому архиерею. В 1757 г. купец умер, оставив завещание неподписанным. Тем не менее «патер Гавриил» (Габриэль Виладельди) требовал деньги на «костел» у детей покойного. Те расплатились векселями, отдав «в заклад» и чужой вексель на сумму, превышавшую обязательство. Затем, однако, сыновья пытались вернуть последний с помощью губернских инстанций, а вскоре опротестовали завещание. В дело вмешался и епископ Стефан, обвинив миссионера в неверном составлении духовной Мелкума Назарова и отметив для сведения ратхауса, что «по их закону» (армяно-григорианскому) завещание вовсе не годится. Ратхаус подал заключение в губернию, и та объявила и завещание, и «договорное письмо» сыновей о пожертвовании отца недействительными.³⁰ Подобный исход добавил масла в огонь взаимной нетерпимости и усилил недовольство патеров властями Астрахани.

Разбирательство между конфессиями, которое затеяли Ф. Сотер, Ф.-М. Агроно и Г. Виладельди, не разрешило казусов, затронувших стороны. Формально оно закончилось признанием равной ответственности за обострение конфликта. Государство обвинений не выдвинуло, и результат выглядел естественным: Синод констатировал в указе от 30 марта 1756 г., что почвы для приложения законов нет, поскольку нет преступлений против православия, а недоразумения между неправославными — материя новая, в законах не отраженная.³¹

Порядок разбирательства между иноверцами под внутренней юрисдикцией на тот момент отсутствовал: насчитывались лишь узаконения, регулировавшие отношения конфессий европейцев в Санкт-Петербурге при Петре I и Анне Иоанновне, но не годные на роль прецедента. По этой причине посредником в конфликте, как говорилось выше, избрали православного архимандрита: начальство апеллировало к нему, имея надежду (впрочем, не оправдавшуюся) на прецеденты если не в светском, то в церковном праве.

Миссионеры склонялись добиться своего при содействии начальства, к которому с петровских лет привыкли быть вхожими. Но впервые в России они встретили неприятие

местных органов. Губернатора и его подчиненных можно понять. Католики уступали армяно-григорианам в численности: помимо нескольких сотен дворохозяев — постоянных жителей, в астраханском гостинном дворе, судя по цитированному списку ратхауса, проживало 85 торговцев «армянской природы», не состоявших в подданстве. Армян-католиков нашлось не в пример меньше: жителей Астрахани — 53, приезжих — 34.³² Отсюда губернатор встал на защиту сильной армяно-григорианской общины, более выгодной для казны. А. С. Жилин был первым губернатором после А. П. Волынского, поставившим внешнюю торговлю выше блага культурно близких европейцев. Позже администраторы продвинулись дальше — забывали ради интересов казны и о господствовавшем исповедании, и данная тенденция прагматизма обозначилась именно в связи с изучаемым конфликтом.³³

Тягавшиеся стороны залогом жизнеспособности считали близость к начальству, тем не менее миссионеры, исчерпав фавор, стали заявлять о том, что ищут не милости, а справедливости, обеспеченной светским правом, и стали добиваться переноса процедуры досудебного разбирательства в Петербург. Это им удалось: в 1756–1758 гг. столичные события двигались параллельно астраханским. В начале 1756 г. Ф. Сотер и Ф.-М. Агроно обратились в Синод и Коллегию иностранных дел с челобитными на имя Елизаветы Петровны, полагаясь на посла Австрийской монархии Н. Эстерхази (*Miklós/Nicolas Esterházy*) — патрона капуцинов. Искали монахи содействия и у вице-канцлера М. И. Воронцова: тот был дружен с кардиналом Александром (Алессандро) Албани — куратором капуцинов по линии римской Конгрегации Пропagationды веры.³⁴ Но затею ждал крах: власти вынудили патеров уехать из России, а следствие свернули, призвав общины к порядку.³⁵

Это выровняло обстановку в Астрахани. Со временем она сгладилась больше. Во второй трети XVIII в. проявил себя новый центр восточной торговли — Оренбург, вырос объем товаров на русском рынке, ввозимых купцами из Средней Азии, не сидели сложа руки

³² См.: Там же. Д. 1 (1759–1761). Л. 145–183об.

³³ См.: Рязев А. С. Неопубликованные документы 1777 г. об отсылке крещёного пленника бакинскому хану (из переписки Св. Синода и Коллегии Иностранных дел) // *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. 2017. № 1. С. 36–39.

³⁴ См.: АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 2, 2об.

³⁵ О ходе и итогах столичного расследования см.: Рязев А. С. Великая княгиня... С. 9, 10, 14.

³⁰ См.: Там же. Л. 2–6.

³¹ См.: Там же. Д. 1 (1751–1758). Л. 11.

индийские купцы.³⁶ Конъюнктура позволяла астраханским армяно-григорианам вести дело по-прежнему, а малый приход католиков³⁷ финансово ослабел, его члены, слившись с армянами-католиками — приезжими из Крыма, ушли в другие сферы занятий.

Отсюда понятна типологическая основа конфликта, которую не вывести из торговли или религии. Перипетии, всплывшие на разбирательстве, в частности биографии Е. Васильевой и Е. Богданова, судьба их сына, дают представление о многообразии, интенсивности поликонфессиональных контактов в ограниченном административно, территориально, социально пространстве города. Приход, созданный капуцинами, носил специфически городской характер. Иначе невозможно понять наличие у него такого резерва, как «татары» (тюрки-мусульмане, об этнической природе которых трудно сказать): в сельской местности, вне контакта с патерами, определенного городским образом жизни, неопиты не удержались бы в католичестве.

В городе люди, выпавшие из прочных религиозных коллективов (обычно по социальным причинам — из-за сиротства, потери кормильца, нищеты) и сплоченные капуцинами, освобождались от давления традиции и открыто делали выбор новой религии. Е. Васильева и ее муж не искали возвращения к природному, унаследованному от родителей исповеданию (да и каким у обоих оно могло считаться?). При этом подобные люди не сторонились городской жизни, в которой важная роль принадлежала господствовавшему исповеданию: Мелкум Читаянц, напомним, оставил поминальные суммы не только католикам, но и православным в Астрахани и Тифлисе — городах, где он жил. Пример названных обывателей — не единичный, в материалах астраханского следствия прослежен ряд других судеб, столь же неоднозначных.

Они примечательны тем, что вскрывают воспроизводство городского католического социума. Так, Петра Иванова, прихожанина капуцинов, обвинили в ренегатстве: выяснилось, что он имел православных родителей. На допросе П. Иванов показал: будучи сиротой с

младенчества, родителей не помнит, у капуцинов же оказался вместе с усыновителями. В зрелом возрасте он узнал от грузинского иеромонаха о принадлежности к православию и с тех пор ходил в православную церковь. Иеромонах Лаврентий, который некогда и поведал П. Иванову о его крещении, подтвердил изложенное, но отчим и мачеха обвиняемого — татары-католики, напротив, его опровергли: П. Иванов знал от приемных родителей о крещении, но продолжал посещать храм капуцинов, впрочем, без исповеди и причастия. Позже П. Иванов на следствии признал: о подлинном крещении был извещен, а говорил неправду по просьбе «патера Франциска» — Ф.-М. Агроно.³⁸

Другой подопечный капуцинов, Атанес Нуриев угодил на допрос как «совращенный» патерами. Следователи узнали, что он бывший полоняник, купленный армянином-католиком, у капуцинов окормлялся под влиянием хозяина, но осознанно, навет же на миссионеров возвел толмач: на допросе он переводил ложно, дабы отвести угрозу от душевладельца.³⁹ Допросили и толмача. Тот поведал, что он, Осип Григорьев, родом грузин, был «пленен лезгинцами», затем куплен армянином-католиком, в неволе принял католичество, проникся им, почему и помог своему «однозаконнику» — хозяину А. Нуриева.⁴⁰ Индивидуализированная, хотя не лишенная колебаний, религиозная самоидентификация, сознательный выбор веры в противовес традиции — это качества именно жителей города, ибо вне его такой свободы было меньше.

Капуцины привыкли к городам Востока с несколькими конфессиями в городской черте и субурбальной раздробленностью на основе внешнеобособлявшихся и монолитных религиозных общин. Астрахань они сочли очередным восточным городом, тем более что подобные черты там и тогда были налицо, и действовали по отработанным на Востоке правилам социальной конкуренции: привлекали появлявшееся в городе конфессионально «пестрое» население, добивались поблажек от должностных лиц разного ранга. В известной мере миссионеры преуспели: сплотили приходское «малое стадо», обратили на его судьбу внимание центральных властей. Именно эти обстоятельства и не дали армяно-григорианам

³⁶ См.: Шкунов В. Н. Оренбург и формирование новых направлений российско-восточной торговли во второй половине XVIII века // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15, № 5. С. 7–11; Магомедов Н. А. Указ. соч. С. 153–155.

³⁷ Данные экспедиции С. Гмелина об общинах в конце 1760-х гг.: мужчин-армян в городе 1 281, католиков из них всего 91 (Мхитарян Г. Ж. Указ. соч.).

³⁸ См.: АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 106–107об.

³⁹ См.: Там же. Л. 107об.

⁴⁰ См.: Там же.

задавить армян-католиков, которых армянский епископ по-прежнему считал своей паствой.

Астраханский эпизод социальной конкуренции — частный случай. Но на него стоит обратить внимание. Тема конкуренции как формы социального взаимодействия применительно к российской истории добуржуазного периода, в том числе городской, в научной литературе ранее не фигурировала. Считалось, что тогда реа-

циям отвечала не конкуренция, а кооперация, и внимание привлекала именно последняя. Однако изученные астраханские события говорят: усложнение городской жизни в XVIII в. давало ход и городской конкуренции. Посему основания заняться ее трактовкой налицо: возможно, что она вкупе с привлечением более широкого материала способна обогатить представления о социальном укладе страны в раннее Новое время.

Andrey S. Ryazhev

Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher (Russia, Togliatti)

E-mail: riazhev@yandex.ru

ASTRAKHAN'S ARMENIAN COMMUNITIES IN THE MID-18TH CENTURY: THE ANATOMY OF URBAN RELIGIOUS CONFLICT

The article concentrates on the religious policy of the Russian Empire in the Early Modern Time. It considers the conflict between Armenian Gregorian and Catholic communities in the town of Astrakhan, 1755–1760. The author traces the objective prerequisites of the conflict (confessional hostility, economic contradictions, and the desire of the community leaders to take a prominent place in relation to the Russian authorities in the center and in the region). Further, the study indicates the areas in which this conflict manifested itself most often — family relations, the choice of confession of children born in mixed marriages, inheritance of property. Finally, the typological nature of such conflicts is revealed, precisely their conditionality by ambiguous, tangled inter-confessional relations in the urban surrounding. The author concludes that the analyzed conflict was a particular case of urban social competition in the light of the complication of religious life noted in Astrakhan.

Keywords: *Russian Empire, Early Modern Times, Collegium of Foreign Affairs, religious policy, inter-confessional relations, religious conflict, social competition, Catholic missionaries, Capuchins, Armenian Apostolic Church, Astrakhan*

REFERENCES

- A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal mission of the 17th and the 18th Centuries*. London: Eyre and Spottiswoode, 1939, vol. 1. (in English).
- Agreeable News from Persia: Iran in the Colonial and Early Republican American Press, 1712–1848*. Wiesbaden: Springer VS, 2022, pp. 393–513. (Universal- und kulturhistorische Studien. Studies in Universal and Cultural History). DOI: 10.1007/978-3-658-36032-0 (in English).
- Aliyev F. M. *Missiya poslannika Rossiyskogo gosudarstva A. P. Volynskogo v Azerbaydzhan* [The Mission of the Envoy of the Russian State A. P. Volynsky to Azerbaijan]. Baku: Elm Publ., 1979. (in Russ.).
- Andreev A. N. [Russian “Non-Russians” in 18 Century and West Christianity Influence]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series “Social Sciences and the Humanities”], 2010, no. 28 (204), iss. 15, pp. 6–11. (in Russ.).
- Anisimov E. V. [Eastward Motion of Peter the Great's Empire]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2022, vol. 21, no. 3, pp. 312–321. DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-3-312-321 (in Russ.).
- Istoriya predprinimatel'stva v Rossii* [History of Entrepreneurship in Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000, book 1. From the Middle Ages to the Middle of the 19th Century. (in Russ.).
- Khachatryan V. A. [Astrakhan Armenian Colony and Russian-Armenian Relations]. *Vestnik obshchestvennykh nauk* [Bulletin of Social Sciences], 1978, no. 10, pp. 77–85. (in Russ.).
- Kukanova N. G. [Russian-Iranian Trade Relations at the End of the 17th — Beginning of the 18th Century]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical Notes], 1956, no. 57, pp. 232–254. (in Russ.).
- Magomedov N. A. *Regional'naya i mezhdunarodnaya tranzitnaya trgovlya v Zapadnom Prikaspii v XVII–XVIII vv.* [Regional and International Transit Trade in the Western Caspian in the 17th–18th Centuries]. Makhachkala: IIAE DNTs RAN; ALEF Publ., 2015. (in Russ.).
- Mackiewicz W. (OFM Conv). *Istoriya katolicheskoy tserkvi na Astrakhanskoy zemle* [History of the Catholic Church in Astrakhan Land]. Astrakhan: IPK Volga Publ., 2012. (in Russ.).

Mkhitarian G. Zh. [Ethnopolitical Picture of Astrakhan According to the Materials of the “Physical” Expedition of the Academy of Sciences in 1768–1774]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus], 2022, vol. 18, no. 3, pp. 585–605. DOI: 10.32653/CH183585-605 (in Russ.).

Paert I., Gibson C., Berezhnaya L. Confession, Loyalty, and National Indifference: Perspectives from Imperial and Postimperial Borderlands. *Ab Imperio*, 2022, no. 2, pp. 91–116. (in English).

Pirova R. N. [Trade and Economic Relationship of the Persian and Armenian Merchants in Astrakhan in the First Third of the 19th Century]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies], 2018, no. 1 (214), pp. 59–65. (in Russ.).

Ryabtsev A. L. [Geography of Russian Goods Export through Astrakhan' Port and its Features in the XVIIIth Century]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law sciences, Culturology and Study of Art. Issues of theory and practice], 2012, no. 7 (21), part 1, pp. 165–170. (in Russ.).

Ryazhev A. S. [Grand Duchess Catherine and the Catholic Missionaries in Southern Russia: the Future Empress in Search of Paths to Power (The Second Half of the 1750s)]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin], 2020, no. 2 (64), pp. 6–22. DOI: 10.24411/2072-9286-2020-00008 (in Russ.).

Ryazhev A. S. [Religious Policy of Russian “Enlightened Absolutism”: History of Study]. *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskiy vestnik. 2005* [History and Historians. Historiographic Bulletin. 2005]. Moscow: Nauka Publ., 2006, pp. 82–124. (in Russ.).

Ryazhev A. S. [Unpublished Documents of 1777 on the Sending of a Christened Captive to the Baku Khan (From the Correspondence of the Holy Synod and the Collegium of Foreign Affairs)]. *Magna Adurgit: Historia Studiorum*, 2017, no. 1, pp. 32–40. (in Russ.).

Shkunov V. N. [Orenburg and the Formation of New Russian-Eastern Trade Relations in the Second Half of the 18th Century]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, vol. 15, no. 5, pp. 7–11. (in Russ.).

Windler C. *Missionare in Persien. Kulturelle diversität und Normenkonkurrenz im globalen Katholizismus (17.–18. Jahrhundert)*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2018. (in German).

Yukht A. I. [Eastern Trade in Russia in the 30s–40s of the 18th Century and the Role of Armenian Merchants in It (Based on the Materials of the Astrakhan Customs)]. *Izvestiya Akademii Nauk Armyanskoy SSR. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. Social Sciences], 1956, no. 8, pp. 43–62. (in Russ.).

Yukht A. I. [Participation of the Armenian Merchants in the Domestic Trade of Russia (20–40s of the 18th Century)]. *Istoriko-filologicheskiy zhurnal AN Armyanskoy SSR* [Historical and Philological Journal of the Academy of Sciences of the Armenian SSR], 1979, no. 3, pp. 112–128. (in Russ.).

Yukht A. I. [Russian Trade with Transcaucasia and Persia in the Second Quarter of the 18th Century]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1961, no. 1, pp. 131–146. (in Russ.).

Yukht A. I. [Russian-Eastern Trade and the Participation of Indian Merchants in It]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1978, no. 6, pp. 42–59. (in Russ.).

Yukht A. I. [Social Struggle in the Astrakhan Armenian Colony (Mid-18th Century)]. *Vestnik obshchestvennykh nauk* [Bulletin of Social Sciences], 1979, no. 6, pp. 69–80. (in Russ.).

Yukht A. I. [The Social Composition of the Population of the Astrakhan Armenian Colony in the First Half of the 18th Century]. *Izvestiya Akademii Nauk Armyanskoy SSR. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. Social Sciences], 1957, no. 7, pp. 47–60. (in Russ.).

Zaitsev I. V. *Astrakhanskoye khanstvo* [Astrakhan Khanate]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2006. (in Russ.).

Для цитирования: Рязев А. С. Армянские общины Астрахани в середине XVIII в.: анатомия городского религиозного конфликта // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 151–158. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-151-158.

For citation: Ryazhev A. S. Astrakhan's Armenian Communities in the Mid-18th Century: the Anatomy of Urban Religious Conflict // Ural Historical Journal, 2023, no. 3(80), pp. 151–158. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-151-158.